

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Научная статья / Research article

**Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.
на выстраивание отношений империи с кочевыми народами
Южного Урала и Центральной Азии
(по материалам Оренбургской экспедиции)**

С.В. Джунджужов^а, С.В. Любичанковский^а

^а Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su

**Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739
on the construction of relations between the Russian Empire
and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia
(based on materials from Orenburg Expedition)**

Stepan V. Dzhundzhuzov^а, Sergey V. Lyubichankovskiy^а

^а Orenburg State Pedagogical University; 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia;
kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: В статье рассматривается сложившаяся в 1730-е гг. модель взаимоотношений Российской империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии. Авторы выделяют наименее изученный аспект данной проблемы – влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на геополитическую обстановку в зоне юго-восточного фронта и значение Оренбургской экспедиции (комиссии) в регулировании конфликтных ситуаций между степными подданными империи, а также в пресечении угроз в их адрес со стороны соседних государств. Источниковой базой исследования послужили материалы фондов Оренбургской комиссии и Оренбургской экспедиции Государственного архива Оренбургской области. Авторы не разделяют мнения о том, что Оренбургская экспедиция создавалась исключительно в качестве механизма имперской колониальной политики, но и не отрицают ее значения в распространении российского протектората на Казахскую степь, а позднее и на Центральную Азию. Во время войны усилия России были направлены на предотвращение казахских набегов на калмыцкие кочевья, отвлекавших калмыков от участия в походах против воевавших на стороне Турции крымских и кубанских татар. В статье показано, что Оренбургская экспедиция, немногочисленные войска которой были задействованы для подавления башкирского восстания, могла оказывать калмыкам в основном лишь дипломатическую поддержку. Установлению военной гегемонии казахских жузов в приуральских степях помешала агрессивная политика Джунгарского ханства, направленная на завоевание Казахстана. Только решительная позиция России, заявившей о готовности защитить своих казахских подданных, заставила джунгарского правителя Голдан-Цэрена отказаться от притязаний на Казахскую степь. Авторы приходят к выводу о том, что политика России в данном регионе заключалась в недопущении между степными народами продолжительных во-

© Джунджужов С.В., Любичанковский С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

енных конфликтов и в то же время в нейтрализации любых попыток их военного объединения. Выступление в роли миротворца, а в случае внешней угрозы и надежного союзника, поднимало авторитет империи, заставляло кочевников искать ее покровительства и подчиняться ее воле.

Ключевые слова: власть, война, империя, колониальная политика, кочевники, Оренбургская экспедиция (комиссия), ханство

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Для цитирования: Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Abstract: The article considers the pattern of relationship between the Russian Empire and the nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia in the 1730s. The authors study the impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the geopolitical situation in the southeastern frontier zone, and review the significance of the Orenburg Expedition (Commission) to the settlement of conflicts among the steppe subjects of the empire as well as for preventing threats to them coming from neighboring states. The study is based on materials of the Orenburg Commission and the Orenburg Expedition preserved in the State Archive of the Orenburg region. The authors do not share the opinion that the Orenburg Expedition was founded exclusively as a mechanism of imperial colonial policy, but neither do they deny its role in expanding Russia's protectorate into the Kazakh steppe, and later into Central Asia. During the war, Russia aimed at preventing Kazakh raids against the Kalmyk nomads, for such raids prevented the Kalmyks from participating in the campaigns against the Crimean and Kuban Tatars who fought alongside Turkey. The article shows that the Orenburg Expedition, whose few troops were involved in suppressing the Bashkir uprising, were only able to provide the Kalmyks with diplomatic support. The aggressive policy of the Dzungar Khanate, aimed at the conquest of Kazakhstan, prevented the Kazakh Zhuzhes from establishing military hegemony in the Ural steppes. Only the firm stance of Russia, which declared its readiness to protect its Kazakh subjects, made the Dzungar ruler Goldan-Tseren renounce his claims to the Kazakh steppes. The authors conclude that the policy of Russia in this region was to prevent prolonged military conflicts among the steppe peoples while at the same time neutralizing any attempts at their military unification. Russia assumed the role of a peacemaker, and, in the case of external threat, of a reliable ally; this raised the authority of the empire and forced the nomads to seek its patronage and submit to its will.

Keywords: power, war, empire, colonial policy, nomads, Orenburg Expedition (commission), khanate

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian State Research Foundation (RFFI). Project No. 17-18-01008.

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan V., and Lyubichankovskiy, Sergey V. "Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg Expedition)," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 494–524. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Введение

Заданный Петром I активный политический курс, направленный на завоевание черноморского побережья и расширение российской территории на кавказском и юго-восточном азиатском направлениях, продолжился и при его преемниках. Правительство Анны Иоанновны пыталось решать обе задачи одновременно.

Продолжавшаяся почти четыре года война с Турцией за владение Крымом и западной частью Северного Кавказа не привела к желаемым результатам. Единственным значимым для России «трофеем», согласно условиям подписанного в 1739 г. в Белграде мирного договора, стало возвращение Азова, лишенного крепостных укреплений. Товарищами по оружию русских солдат и казаков в этой войне были калмыки. В то же время и само Калмыцкое ханство, располагавшееся в междуречье Яика (Урала), Волги и Дона и имевшее весьма неопределенные степные границы, подвергалось частым грабительским набегам со стороны киргиз-кайсаков (далее – казахов). Серьезную угрозу также представляла подстрекательская деятельность крымских и турецких эмиссаров, призывавших башкир и казахов не подчиняться власти «белого царя». Нейтрализовать подрывную деятельность Порты и «подобрать ключи» к умиротворению исповедующих ислам воинственных кочевников была призвана посредническая дипломатия начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) и губернаторов соседних Астраханской и Сибирской губерний.

В современной историографии проблематика включения кочевых народов в орбиту Российской империи подверглась пристальному изучению, причем явно выделяется линия на отказ от «колониального подхода» как чрезмерно узко понимающего особенности этого процесса¹. Однако применительно к деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) и аспекту влияния внешнего геополитического фактора на формирование политики Российской империи в отношении кочевых народов Центральной Азии данная проблема до сих пор остается одной из дискуссионных и малоизученных. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы закрыть это белое пятно.

Оренбургская экспедиция, с 1737 г. – комиссия, была образована в 1734 г. Создание экспедиции определялось стремлением Российской империи укрепиться на вошедших в ее состав еще во второй половине XVI в., но слабо интегрированных территориях Заволжья, Башкирии и Зауралья, и добиться распространения российского протектората на Казахскую степь и Центральную Азию. Большинство дореволюционных историков рассматривали Оренбургскую экспедицию в качестве проводника имперской колониальной политики², поводом для которой

¹ *Дмитриев В.В., Любичанковский С.В.* Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 45. № 3. С. 1010–1024; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3. С. 172–191; *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151–165; *Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21; *Любичанковский С.В., Аканов К.Г.* Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начала XX в. // *Былые годы*. 2018. Т. 48. № 2. С. 484–495; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты крещеных калмыков (1737–1842) // *Былые годы*. 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.

² *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 2–76; *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 13; *Пекарский П.П.* Новые известия о

послужило последовавшее в 1730 г. прошение правителя Малого казахского жуза хана Абулхаира о вхождении в русское подданство³. Мнение о колониальном характере Оренбургской экспедиции продолжало доминировать и в советской историографии. Советские историки акцентировали внимание на национально-освободительном движении как ответной реакции на насаждаемый имперской администрацией порядок управления и отчуждение земельных угодий и природных богатств. Во взаимосвязи с созданием Оренбургской экспедиции и военно-хозяйственным освоением края рассматривались Башкирские восстания 1735–1739 гг.⁴ Расширение исследовательской проблематики и плюрализм мнений относительно деятельности Оренбургской экспедиции характерны для современной историографии. Основательное монографическое исследование, посвященное возникновению и деятельности экспедиции и заселению Заволжья, было проведено Ю.Н. Смирновым⁵. Негативная оценка роли первого начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова в деле колонизации Южного Урала представлена в книге оренбургского историка Д.А. Сафонова. Исследователь считает, что у Кирилова не было продуманной программы, а авантюренность его распоряжений подвергала жизнь членов экспедиции, солдат и казаков неоправданной опасности, голоду и невзгодам⁶.

В связи с обретением советскими среднеазиатскими республиками статуса суверенных государств и ростом национального самосознания народов России наблюдается активизация общественного и научного интереса к складыванию геополитической обстановки на Южном Урале и пограничных территориях в контексте регулятивного воздействия на нее Оренбургской экспедиции. Г.Б. Исбасарова объясняет возведение форпостов и крепостей военно-стратегическими целями, направленными, в том числе, и на недопущение совместных выступлений башкир и казахов⁷. Ю.Н. Смирнов справедливо указывает, что амбициозные планы первого начальника Оренбургской экспедиции по продвижению в Азию не были реализованы. Тем не менее то, что было сделано И.К. Кириловым и его приемниками по налаживанию дипломатических и торговых связей с азиатскими соседями, заслуживает внимания⁸.

Колониальной парадигмы вхождения Казахской степи в состав Российской империи, одним из проявлений которой и стало создание Оренбургской экспеди-

В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 34; *Его же*. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867. С. 8.

³ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 25.

⁴ *Титеев Ш.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 47; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.–Л., 1950. С. 20; Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа, 1977.

⁵ *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997.

⁶ *Сафонов Д.А.* Начало Оренбургской истории. Оренбург, 2003. С. 10–55.

⁷ *Исбасарова Г.Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5/2. С. 67.

⁸ *Смирнов Ю.Н.* Экстракт именных указов Оренбургской комиссии за 1734–1741 годы как источник по истории отношений с народами и странами Приуралья, Казахстана, Средней Азии // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов III Всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 235.

ции, в настоящее время придерживаются многие казахстанские исследователи⁹. Так, А. Шаукенов, изучая изменения в политической и правовой системах казахских жузов в процессе вхождения в состав Российской империи, пришел к выводу, что уже к 1740-м гг. деятельность царского правительства здесь стала принимать отчетливые колониальные формы. В то же время автор разделяет мнение дореволюционного исследователя А.И. Мокшеева, справедливо полагавшего, что казахи были лишь номинальными подданными России. Русские, обороняясь от них крепостями и войсками, не могли свободно появляться в казахских степях и идти через них в туркестанские ханства¹⁰.

Определенным недостатком в изучении истории Оренбургской экспедиции (комиссии) является невнимание к влиянию на ее деятельность Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., на ведение которой были направлены основные людские и материальные ресурсы русской армии. В связи с этим возможности для осуществления активной наступательной политики у начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) были ограничены. Согласно рапорту «Сколько в новых городках по оренбургской московской дороге казаков определено ныне по 1 число 1737 г.», в крепостных селениях, выстроенных по линии между Орском и Самарой, проживало 3040 человек¹¹. Осведомленные о малочисленности пограничной стражи казахские батыры и султаны, игнорируя мнение хана Абулхаира, нападали на новые селения, грабили и уводили в плен поселян, препятствовали торговле с азиатскими странами.

Суть неблагоприятной для российской стороны ситуации, сложившейся в русско-казахском пограничье, и «самый верный» способ к ее изменению указал в письме к генерал-лейтенанту князю Г.А. Урусову сам Абулхаир: «А я никакой худобы не делывал, но и других уговаривал к добру, так не слушают дикие братья. И пока сюда сила не прибудет, то наши дураки кайсаки не разумеют и не боятся. Всяк своих полоняников не отдаст. <...> И когда вы сами для строения города с великим войском прибудете, то все будет возвращено. Ежели бы соблаговолили куда и купцам приехать, в то же время туда и ограбленные их товары будут возвращены. А без того мы с ними управляться не можем»¹².

Однако фактор русско-турецкой войны сказывался на деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) не только опосредованно. Как отмечалось выше, ее начальникам вменялось в обязанность оградить Калмыцкое ханство от нападения казахов Малого жуза и тем самым обеспечить участие калмыцкого войска в походах против союзных Османской империи крымских и кубанских татар.

В фондах Оренбургской экспедиции и Оренбургской комиссии (фонды 1, 2) Государственного архива Оренбургской области сохранились материалы внешнеполитической направленности, содержащие переписку с правителями соседних

⁹ Мокшеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 25–30.

¹⁰ Shaukenov A. Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century // Journal of Asian and African Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. P. 283.

¹¹ ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об. – 76.

¹² Там же. Д. 10. Л. 34 об. – 35.

народов и указания Коллегии иностранных дел по выстраиванию с ними дипломатических отношений. К числу таких документов относятся копии с переводов писем калмыцкого хана Дондук-Омбо, хана Младшего казахского жуза Абулхаира и джунгарского правителя Галдан-Цэрена. В указах Коллегии иностранных дел содержатся выписки из донесений начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, Г.А. Урусова, И.И. Неплюева и подробные инструкции, составленные в коллегии, по ведению переговоров и дипломатической переписки.

Участие калмыков в русско-турецкой войне. Походы на Кубань 1736–1737 гг.

Решительным сторонником войны с Османской империей выступал будущий начальник Оренбургской комиссии, а с 1744 г. – первый губернатор Оренбургской губернии, Иван Иванович Неплюев. С 1721 по 1734 г. он в должности резидента возглавлял русскую миссию в Константинополе. И.И. Неплюев уверял правительство, что выдвижение к турецкой границе одного малого русского корпуса будет достаточно, чтобы султан запросил мира¹³. Большое значение русское командование придавало привлечению к участию в войне с Турцией и ее союзниками волжских калмыков.

Со времени принятия в 1609 г. торгоутского владельца Хо-Урлюка в российское подданство отношения между Россией и образовавшимся в низовьях Волги калмыцким ханством строились на договорной основе. Частые распри между представителями ханской династии и обращения калмыцких правителей к «белому царю» за поддержкой и посредничеством создавали благоприятные условия для вмешательства имперских властей во внутренние дела Калмыцкого ханства. После смерти в 1724 г. калмыцкого хана Аюки уже и сам вопрос о ханском престолонаследии стал решаться в Санкт-Петербурге. 22 февраля 1725 г. Черен-Дондук, сын от младшей, третьей жены хана Аюки, указом Екатерины I был утвержден наместником Калмыцкого ханства. Через шесть лет – 17 февраля 1731 г. – Анна Иоанновна жалует Черен-Дондука ханским титулом. С царским назначением не согласились внуки хана Аюки от старших сыновей. В 1731 г. крещеный владелец Петр Тайшин информировал императрицу и государственных сановников, что Черен-Дондук верховным калмыцким правителем назначен неправильно: «Нашей калмыцкой традиции первой жены первому сыну надлежало быть ханом». Следовательно, наследником должен был стать сын от старшей жены Аюки хана, его отец Чакдоржап, а после смерти отца – старший брат Петра – Дасанг, к тому времени уже умерший. Следующим в очереди на престол стоял внук от второй жены Аюки – Дондук-Омбо¹⁴.

¹³ *Государева М.Ю.* К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2015 г., Рязанский университет имени С.А. Есенина. Рязань, 2015. С. 192–193.

¹⁴ АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 15. Л. 2–2 об.

Дондук-Омбо и Петр Тайшин решились на открытое неповиновение. Они договорилась после свержения Черен-Дондука разделить Калмыцкое ханство между собой. Против них был направлен генерал-поручик князь Иван Федорович Бярятинский с войском, состоявшим из 6 драгунских, 2 пехотных полков, отрядов донских и волжских казаков и небольших команд калмыков, сохранявших верность Черен-Дондуку. Единственным успехом предпринятого Бярятинским похода стало задержание в Красном Яре Петра Тайшина¹⁵. Дондук-Омбо удалось уйти на Кубань под покровительство Крымского хана и турецкого султана. Оставаясь недосягаемым для русской армии, мятежный владетель в течение трех лет продолжал совершать набеги на ханские улусы и переманивать на свою сторону влиятельных родственников. В итоге к 1735 г. во владении Дондук-Омбо и присоединившихся к нему владельцев оказалось до 28 тыс. кибиток (семей), из которых более 10 тыс. были им захвачены и присоединены к собственному улусу. У хана Черен-Дондука и немногочисленных его знатных сторонников оставалось не более 10 тыс. кибиток. При этом Дондук-Омбо не прекращал сношений с царским двором, но главным условием своего возвращения на Волгу называл передачу ему верховного управления калмыцким народом.

В свете грядущей войны с Османской империей и Крымским ханством и необходимостью приведения в повиновение калмыцкого народа, правительство Анны Иоанновны сочло целесообразным удовлетворить требования Дондук-Омбо. Во втором пункте грамоты, привезенной ему донским казацким старшиной Данилой Ефремовым, указывалось: «Когда он, Дондук-Омбо, к Волге придет и присягу верности учинит, и тогда повелено и главное правление над всеми калмыками ему поручить, которую команду иметь ему по прежним их правам и обыкновениям, как то было при Аюке-хане, и поступать со владельцами, не чиня никому из них обид, и принадлежащего им не отнимать». Присягу «о верном подданстве и послушании» Ее Императорскому Величеству Дондук-Омбо принял в присутствии астраханского губернатора Ивана Петровича Измайлова 14 ноября 1735 г. – менее чем за год до начала русско-турецкой войны¹⁶.

Одной из важнейших стратегических целей этой войны на кавказском направлении было взятие Азова, потерянного Петром I в результате несчастливой Прутского похода 1711 г. Помешать осаде и овладению Азовом могла Кубанская орда, входившая в состав Крымского ханства. Ее боевую мощь определяли часто враждовавшие с калмыками ногайцы как подданные Орды, именовавшиеся кубанскими татарами или кубанцами. Верный союзническому долгу наместник Калмыцкого ханства Дондук-Омбо в начале 1736 г. через свое посольство объявил войну Кубанской орде и Крымскому ханству и весной во главе 20-тысячного войска двинулся на Кубань.

В ходе кубанского похода, действуя самостоятельно и при поддержке казаков и кабардинских князей, калмыцкие конники нанесли кубанцам несколько чувствительных поражений, разорили покоренные улусы и увели пленных. Ве-

¹⁵ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 130, 150–151.

сенний поход калмыцкого войска отвлек от Азова значительные силы противника и содействовал успешному завершению азовской операции.

Добиться новых побед над деморализованным противником Дондук-Омбо помешали казахи, напавшие на остававшиеся без надежной защиты калмыцкие улусы. Калмыцкий правитель вынужден был возвратить свое войско с театра военных действий¹⁷.

Дондук-Омбо был поставлен перед трудным выбором. С одной стороны, русское командование требовало от него возобновления военных действий, с другой – хан Абулхаир предупреждал о готовности казахских батыров напасть на калмыцкие кочевья в зимнее время. Дипломатическое давление на наместника Калмыцкого ханства оказывалось и со стороны неприятелей. Крымский хан Фатих-Гирей напоминал Дондук-Омбо, что до своего утверждения в должности наместника Калмыцкого ханства, преследуемый русскими властями, он получил убежище в Крымском ханстве и присягал не чинить им, крымцам и кубанцам, никакой «противности». В ответном послании Дондук-Омбо не без цинизма заметил, что как тогда, так и теперь поступает «спасая живот свой»¹⁸.

19 ноября 1736 г. калмыцкий правитель уступил давлению русского правительства и снова отправился в поход на Кубань. Для калмыков он сложился более чем удачно и за две недели, действуя совместно с казаками, а чаще самостоятельно, они нанесли кубанским татарам ряд чувствительных поражений: заняли крепости Капыл и Темрюк, захватили более 10 тыс. пленных, отогнали 20 тыс. лошадей, большое количество рогатого скота и овец. В знак признания заслуг калмыцкого воинства 3 марта 1737 г. Анной Иоанновной был подписан указ об утверждении Дондук-Омбо в ханском достоинстве¹⁹. В указе начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову пояснялось: «О подданном Ея императорского величества калмыцком владельце Дондук Омбе вам сведомо, как он от того времени, когда поручено ему главное правление над всем калмыцким народом, к Ея императорскому величеству верность свою и службы оказывает. И прошлого лета в два похода на Кубань показал многую ревность и прилежность и знатные поиски над теми кубанцы учинил»²⁰.

В 1737 г. пятитысячный отряд калмыков под командованием Галдан Нормо в составе армии генерала Ласси участвовал в походе на Крым. После побед над крымцами и янычарами в сражениях у рек Салгир и Шунгари, а также под крепостью Карасубазар калмыки с богатыми трофеями вернулись в свои кочевья. В декабре того же года калмыки совместно с донскими казаками участвовали в карательном походе против кубанских татар и черкесов, предпринятом в качестве ответной меры за разорение донских станиц, убийства и пленения их жителей.

¹⁷ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста, 2006. С. 29–30.

¹⁸ Там же. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

Миротворческая деятельность России по урегулированию казахско-калмыцких отношений и участие в ней начальников Оренбургской экспедиции (комиссии)

Незначительная численность калмыцкого контингента по сравнению с кампанией 1736 г. объяснялась враждебными действиями со стороны казахов, ущерб от которых был несопоставим с имуществом, отобранным у крымских и кубанских татар. В послании Анне Иоанновне, отправленном 4 февраля 1737 г., Дондук-Омбо сообщал о двух грабительских набегах, совершенных казахами Малого жуза на калмыцкие улусы. Первое нападение произошло 13 января 1737 г. с участием около 4 тыс. человек, захвативших в плен 500 калмыцких кибиток (семей). 22 января те же казахи, но уже численностью около 30 тыс. человек, совершили повторный набег, в ходе которого захватили 2 тыс. кибиток, в числе которых оказались «придворные люди» самого хана. Наиболее ценным трофеем степных разбойников была ханская кибитка с находившимися при ней особо почитаемыми калмыками предметами буддийского культа: одиннадцать собраний бурханов (скульптурных изображений будд) и книги. Отсутствие должного возмездия со стороны калмыков Дондук-Омбо объяснял участием его войска в войне за русские интересы. Калмыцкий правитель подчеркивал, что его воины всегда самостоятельно отбивали набеги казахов и в свою очередь брали в аманаты (заложники) их султанов. «А ныне, – пишет хан, – так как войска наши только из похода возвратились и лошади исхудали»²¹.

Для вторжения в калмыцкую степь казахские батыры со своими отрядами беспрепятственно переправлялись через Волгу. Предпочтение отдавалось зимнему времени, когда река сковывалась льдом и не требовались плавсредства для переправы. Об описанном Дондук-Омбо разорении калмыцких улусов говорится в донесении генерал-майора князя Н.В. Репнина. 19 января 1737 г. сбежавший из казахского плена калмык сообщил ему о нападении казахов «в немалом числе людей» на располагавшиеся ниже Царицына улусы. Репнин распорядился направить вверх по Волге для перехвата степных разбойников команды Псковского драгунского полка секунд-майора Мордвинова и Сальянского пехотного полка поручика Мечехина. Однако преследование оказалось запоздалым, и единственным его результатом стало пленение трех рядовых казахов. Из сбивчивых и противоречивых показаний пленных казахов следовало, что они в команде владельца Кашкара численностью до 6 тыс. человек пришли на Волгу для захвата в плен людей из калмыцких кочевий и русских селений. У Черного Яра в урочище Мазан они разделились на две команды. Исеть Батыр с 3-тысячным отрядом «для взятия калмык» пошел вверх по Волге по луговой стороне к Саратову. Телеп Батыр со своим отрядом остался у Черного Яра. Выше Черного Яра Телеп Батыром было взято в плен 30 русских и до 100 калмыков²².

Успешно завершившаяся вылазка нескольких тысяч казахов в калмыцкую степь свидетельствовала о неосведомленности астраханских властей о передви-

²¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

²² Там же. Д. 5. Л. 22 об. – 23.

жении неприятельских отрядов, слабой охране российских рубежей в Нижнем Поволжье, недостатке конных войск, способных преследовать и задерживать степных кочевников.

Для российского правительства необходимость наказания преступников была так же очевидна, как и осознание невозможности решить эту задачу собственными силами. В пространном указе, датированном 9 февраля 1737 г., Коллегия иностранных дел предлагала переложить ответственность за ее решение на хана Абулхаира. Собственно, предложения Коллегии сводились к трем вариантам: если участники набега – подданные хана Младшего жуза, то он сам должен назначить им наказание, заставить отпустить пленных и вернуть награбленное имущество. Если «воровские кайсаки» окажутся чужими подданными, то следовало убедить Абулхаира с союзными батырами пойти на них в поход и «отмщение учинить». В противном случае допускалось привлечь к возмездию башкир и «употреблять способы, чтоб таких воровских набегов кайсаков не было»²³.

В создавшейся ситуации Дондук-Омбо ищет способы поссорить русское правительство с ханом Младшего жуза и напомнить, что война с турками и их вассалами еще не закончилась. Дальнейшее участие в ней калмыков будет определяться содействием России в предотвращении казахских набегов. Для большей убедительности правитель Калмыцкого ханства решил поделиться некоторыми сведениями, содержащими угрозу новых конфликтов. В первом случае он ссылался на показания пленных казахов, из которых следовало, что между башкирами и киргизами как единоверцами достигнута договоренность о переходе башкир в казахскую степь. Совместными усилиями они предполагают освободить содержащегося при Оренбургской экспедиции в аманатах сына Абулхаира, а затем совершать совместные набеги на русские селения. Косвенным свидетельством складывавшегося союза Дондук-Омбо назвал женитьбу казахского хана на дочери башкира Откохорта. Также он сообщал русской императрице, что башкир Бердекеш пришел к хану Абулхаиру с 2 тыс. кибиток и вместе с казахскими султанами участвовал в нападении на калмыков. В связи с понесенными от казахского набега людскими и материальными потерями калмыцкий хан считал нужным предупредить об отказе от намерения весной отправиться с войском на Кубань²⁴.

Копия перевода письма Дондук-Омбо к Анне Иоанновне не случайно оказалось в собрании документов Оренбургской комиссии, так как именно на ее начальников возлагалась ответственность за сношения с ханами Младшего жуза.

Послание Дондук-Омбо не осталось без внимания. В указе Коллеги иностранных дел начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву от 2 июня 1738 г. пояснялось, что в связи с продолжавшейся войной с Турцией интересы России требуют прекращения нападений казахов на калмыцкие улусы, в связи с чем В.Н. Татищев должен был «потрудиться», чтобы казахи возвратили все отобранное у калмыков имущество и освободили из плена всех знатных калмыков. Только при таком условии русское правительство могло удержать Дондук-Омбо от ответного похода на казахские кочевья.

²³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 39 об. – 40 об.

В указе ничего не говорилось о башкиро-калмыцком союзе. Видимо на тот момент, в силу отсутствия согласия по этому вопросу между казахскими ханами и султанами, российскому правительству такой союзный тандем казался маловероятным. Куда более реальным представлялся переход казахов на сторону крымских и кубанских татар. Известия о контактах между ними периодически доходили до Петербурга. Так, один из казахов, плененных у Черного Яра в январе 1737 г., показал на допросе, что к их хану приезжали послы из Крыма и просили прислать войско. В документе сообщалось: «И по просьбе крымского хана хотел де хан их дать войско, а какое число не знает»²⁵. От Татищева требовалось найти способ не допустить сговора между ними²⁶.

В 1730-е гг. в отношении казахских жузов Российская империя придерживалась «политики умиротворения». Ее суть была четко изложена в пункте 6 Инструкции, данной И.К. Кирилову накануне отправки Оренбургской экспедиции: «Удерживать киргиз-казаков в повиновении, смотря по обстоятельствам, милостями и подарками или строгостию и страхом». А так как военных ресурсов для удержания кочевников в «строгости и страхе» у оренбургских начальников было явно недостаточно, допускалось, как это делалось колонизаторами во всем мире, «употреблять один народ против другого, сберегая русское войско»²⁷.

Усилия начальника Оренбургской экспедиции были сосредоточены на деятельности, направленной на усмирение башкирского восстания. Его реакция на известия о нападении казахов на улусы волжских калмыков ограничивалась письмами к хану Абулхаиру о «противности поступков» подвластных ему людей, разорявших подданных Ее Императорского Величества. В том же ключе выстраивали отношения с Абулхаиром преемники Кирилова. После описанного выше масштабного нападения на калмыков В.Н. Татищев сумел добиться согласия казахского хана на свидание, которое состоялось 3 августа 1738 г. Во время торжественной аудиенции Абулхаир, его сын Нурали и другие казахские старшины вновь дали присягу на верность российской короне. Во время этой и последующих встреч с начальником Оренбургской комиссии Абулхаир не скупился на обещания собирать, освобождать от неволи и доставлять в Россию всех русских подданных, причем не только из казахских жузов, но и из соседних стран. Автор первого фундаментального труда по истории казахского народа А.И. Левшин справедливо заметил, что обещание это Абулхаир при всем желании не имел возможности выполнить и «сам он, без сомнения, был уверен в невозможности оное сдержать»²⁸.

Естественно, в создавшихся условиях, как подчеркивает В.В. Батырев, Дондук-Омбо с большой неохотой отправился в марте 1738 г. в очередной поход на Кубань. Как и в предыдущие годы, калмыкам удалось нанести кубанским татарам и абазинцам ряд чувствительных поражений. В одном из боев в числе пленных оказался сын крымского хана Бакта Гирея, султан Селебек. Но уже в мае Дон-

²⁵ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об.

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 45–45 об.

²⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб., 1832. С. 114, 116.

²⁸ Там же. С. 136.

дук-Омбо, узнав о новых нападениях казахов, свернул военные действия и вернулся в приволжские степи²⁹.

В конфликте между своими степными подданными Россия выступала в роли миротворца. В дипломатических сношениях с ханом Абулхаиром Коллегия иностранных дел прямо указывала, что ей известно о его непосредственном участии в организации набегов на русские и калмыцкие селения, но вместе с тем она давала понять, что Россия стремится сохранить с казахским ханом добрососедские, доверительные отношения. Такое заключение явствует из объявления коллегии, сделанного 30 июля 1739 г. сыну хана Абулхаира Кожа Ахмет султану. Ему было поставлено на вид, что «хотя с допросу пойманного знатного касаченина Есинбая Батыря показано, что те войска кайсацкие наряжены были и посланы на калмык отцом его Абулхаир ханом, однако то здесь за истину не принято, ибо отец его Абулхаир вступил в подданство Ее Императорского Величества и в верности присягал. <...> И войска кайсацкие на подданных Ее Императорского Величества калмык и нападение, и грабительство, и взятие людей чинить весьма с обнадеживанием его в верности несходствен»³⁰. Подтверждением тому, что хан Малого жуза к указанным преступлениям не причастен, должно было стать инициированное по его воле наказание виновных и возвращение в Оренбург всех оставшихся в плену русских подданных.

В свою очередь, неприятие Россией в отношении казахов мер силового воздействия рассматривалось Дондук-Омбо как уклонение от союзнических обязательств. В донесении от 29 апреля 1739 г. он в очередной раз напомнил, что частые походы калмыцкого войска на Кубань и в Крым изматывают людей и приводят к истощению лошадей. Казахи пользуются ситуацией, ежегодно нападают на калмыцкие улусы, грабят и возвращаются с добычей. Объявлением о желании быть в русском подданстве и отдачей в аманаты своих сыновей казахские правители лишь вводят в заблуждение российскую императрицу. Для заслуженного наказания врага хан Дондук-Омбо просил Анну Иоанновну разрешения снарядить против казахов совместную карательную экспедицию, для проведения которой калмыцкий хан надеялся получить от императрицы пятитысячное войско с сорока пушками³¹.

В ответной грамоте, датированной 19 июля 1739 г., Анна Иоанновна дала понять калмыцкому хану, что ее правительство разделяет его мнение о ненадежности присяг, даваемых казахскими старшинами: «Елико принадлежит до киргиз-кайсак, оные хотя в подданство наше вновь и вступили, но мы давно ведаем и ныне в самом деле усмотрели, что люди они не постоянные и ветреные». Соглашалась она и с мнением, что «за учиненную предерзость», казахи заслуживают «надлежащего отмщения». Однако далее шло напоминание о продолжавшейся войне с Турцией и, как следствие, – не в интересах России было превращать казахскую степь в театр военных действий и направлять туда свои войска. Отказаться от идеи карательного похода против казахов Младшего жуза настойчиво рекомендовалось и

²⁹ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне... С. 33.

³⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³¹ Там же. Л. 44–44 об.

самому Дондук-Омбо. В грамоте говорилось, что в том случае, если он решится на такой поход и задействует все свое войско, оставив калмыцкие улусы без необходимой охраны, может создаться благоприятная ситуация для нападения на них кубанских татар. Приведенные аргументы подкреплялись обещанием: «Того ради для удобного случая надлежит в том возыметь терпение, а при удобном случае за сие им сугубое отмщение учинено будет <...> и в том тебе на нашу императорскую милость быть благонадежным». Тем не менее ряд мер для защиты калмыцких кочевий все же был принят. От Астрахани вверх по Волге учреждалось постоянное наблюдение и защита. В степь направлялись объезжие караулы. Для охраны самого калмыцкого хана и членов его семьи было обещано определить «знатного человека с частью военных людей»³².

Очевидно, непредставление более действенной, военной помощи калмыкам в их вражде с казахскими жузами объяснялось еще и желанием России обеспечить «баланс сил» между степными подданными, снизить интенсивность и мощь их вторжений в российское приграничье. Так, 23 июня 1740 г., уже после окончания русско-турецкой войны, Анна Иоанновна извещала Дондук-Омбо о набегах калмыков на русские селения. По содержанию письмо императрицы напомнило приведенные выше грамоты, адресованные хану Абулхаиру. Для осуществления следствия, суда и наказания над пойманными «воровскими калмыками» калмыцкому хану предлагалось направить в Царицын своих представителей – одного владельца или нескольких зайсангов. Заканчивалось письмо неизменным предупреждением о том, чтобы «и впредь всем калмыкам накрепко запретить, дабы они на российские жилища набегать, обиды чинить и скот угонять не дерзали». «А с теми, кто попадется», обещали «поступать как с ворами и злодеями»³³.

В отношениях с кочевниками начальники Оренбургской экспедиции также находили полезной тактику «разделяй и властвуй». Ее суть была изложена в составленном И.К. Кириловым проекте освоения Оренбургского края, где отмечалось, что постоянные распри между башкирами, казахами и калмыками Россия может и должна использовать в своих интересах. Для убедительности он ссылался на опыт использования в 1734 г. войска Абулхаира против влиятельного калмыцкого владельца Доржи Назарова, улус которого кочевал по берегам Яика и Эмбы. Доржи Назаров участвовал в мятеже против поддерживаемого в то время Россией калмыцкого хана Церен-Дондука. После разорения калмыцких кочевий Доржи Назаров вынужден был прекратить враждебные действия и, как полагал Кирилов, затаить на казахов злобу. Той же внешнеполитической линии начальник Оренбургской экспедиции призывал придерживаться и впредь: «Буде киргиз-кайсаки что делают, то на них калмык и Башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения Российских войск»³⁴. Временное отступление от предложенной тактики в отношении калмыков объяснялась исключительно их участием в войне с Османской империей и ее вассалами.

³² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 44 об. – 45.

³³ Там же. Л. 88 об. – 89.

³⁴ Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939. С. 33.

Деятельность России по регулированию отношений казахских жузов с Ираном и их защите от джунгарской агрессии

Нейтрализация военного потенциала казахов, заряженного на внешнюю агрессию, или его направление в нужное для России русло не ограничивались регулированием одних лишь казахско-калмыцких взаимоотношений. В качестве возможного союзника в войне с Турцией Петербург рассматривал Иран, существенно укрепившийся с приходом к власти Надир-шаха. Персидский шах и правитель Малого жуза стремились овладеть Хивой и возвести на хивинский престол своих ставленников. Коллегия иностранных дел сочла за лучшее не допускать войны между ними, справедливо посчитав, что с переброской персидских войск на северо-восток они будут удалены от турецкой границы. В документах коллегии отмечалось, что «... интересы того требуют, чтобы персияне, будучи от других народов в покое и безопасности, против Порты войну восприняли»³⁵.

В 1730-е гг. заметно обострились отношения России с Джунгарским ханством. Поводом для этого служили неопределенность государственных границ в Сибири и нежелание Голдан-Цэрена признать законность вхождения казахских жузов в состав России. Заключение в 1734 г. перемирия, а через три года и мира с цинским Китаем обеспечили условия для переброски джунгарских войск на юг Казахской степи. За два года джунгары покорили Старший жуз и в 1739 г. развернули военные действия против Среднего жуза. В сложившихся обстоятельствах хан Среднего жуза Абилмамбет решил последовать примеру Абулхаира и в 1740 г. перешел под покровительство российской короны. В 1741 г. в Коллегии иностранных дел было получено известие о требовании Голдана-Цэрена к ханам Среднего и Малого жузов стать его подданными, прислать своих детей со знатными старшинами в аманаты и выплачивать дань, установленную джунгарским правительством. Их удовлетворению воспрепятствовала жесткая позиция, занятая Россией в отстаивании интересов казахского народа. Начальнику Оренбургской комиссии И.И. Неплюеву было поручено объявить направленным к Абулхаиру джунгарским послам следующее: «Ему, зенгорскому владельцу, оных ханов с их ордами в подданство к себе призывать, а паче принуждать и подати с них требовать не надлежит». В случае нарушения казахами границы и причинении вреда джунгарским улусам, «по доброму соседству», прежде следовало донести ко двору Ее Императорского Величества или в Оренбургскую комиссию И.И. Неплюеву³⁶.

О мирном договоре, заключенном между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г. в Белграде, Голдан-Цэрен, видимо, узнал с большим опозданием. Такой вывод следует из письма, адресованного Анне Иоанновне. Полученная в Оренбургской комиссии копия, датированная 31 марта 1742 г., сопровождалась заголовком: «Перевод с письма зенгорского владетеля Галдан Цереня, поданного послом его Лама Дашой великому канцлеру и кавалеру князю Алексею Михайловичу Черкасскому».

³⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54 об.

³⁶ Там же. Д. 10. Л. 49–50.

Голдан-Цэрен сетовал, что в нарушение прежних договоренностей русские люди на его земле строят крепости, охотятся, добывают золото и медь. Джунгарский правитель просил императрицу вывезти своих подданных из Джунгарии, завуалировано заметив, что России в противном случае придется вести сразу две войны: «У вас с турками война, и ежели мне при таком случае оное произвестъ в действо, то могу за бессовестного причтен быть»³⁷.

Большие опасения в правительственных кругах России вызывало налаживание дипломатических контактов Джунгарии с Калмыцким ханством. Их последствия могли проявиться как в откочевке значительной части волжских калмыков в пределы Джунгарского ханства, так и в заключении между ними договора об образовании военного союза. Для военной администрации приграничных губерний юго-востока это означало всячески препятствовать, а по возможности задерживать посланников и курьеров, перевозивших корреспонденцию из Джунгарии в ставку калмыцкого хана и обратно. Одно из таких посольств в 1741 г. направлялось с письмами к Дондук-Омбо. 27 августа в канцелярии Оренбургской комиссии было принято решение о задержании посольства под благовидным предлогом. В соответствии с инструкцией послу следовало заявить, что хан Дондук-Омбо умер, а его преемник еще не назначен, следовательно, и ехать не к кому. К тому же, как подданные Российской империи, калмыки без высочайшего на то указа на письма отвечать не могли: «А какие от зенгорцев до объявленных калмык потребности [имеются], о том чинить зенгорскому владельцу у двора [Ее Императорского Величества]». Посла и его прислугу, чтобы они не ушли в степь и не встретились с находившимися в Самаре калмыками, предписывалось «под добрым и искусным присмотром иметь». Перед чиновниками также была поставлена задача перехватить письма, адресованные калмыцкому хану. Чинить препятствий выезду посольства в калмыцкую степь не пришлось. По приезде в Самару джунгарский посол тяжело заболел и вскоре скончался. Требования руководства Оренбургской комиссии были выполнены, в связи с чем заявлялось: «Всякие вымыслы через переводчика употреблены были, чтоб имеющиеся у него листы к хану Дондук Омбо посмотреть». С писем были сняты копии и отправлены в Коллегию иностранных дел³⁸.

Выводы

В 1730-е гг. российское правительство сформировало определенную модель взаимоотношений со своими степными подданными, которая заключалась в недопущении между ними продолжительных военных конфликтов и в то же время в нейтрализации любых попыток их военного объединения. Выступление в роли миротворца, третейского судьи, а в случае внешней угрозы и надежного союзника, поднимало авторитет Российской империи, заставляло кочевников искать ее покровительства и подчиняться ее воли. Проводником политики утверждения российской государственности в степях Южного Урала и Урало-Каспийского региона, а в перспективе и всей Средней Азии, была призвана Оренбургская экспедиция (комиссия). Через ее начальников осуществлялись прямые контакты с казахскими

³⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54–54 об.

³⁸ Там же. Л. 82 об. – 83.

и каракалпакскими ханами, правителями других соседних народов. Некоторые временные коррективы в сложившийся порядок поддержания «баланса сил», подразумевающий недопущение усиления ни одного из государственно-кочевых образований, внесла русско-турецкая война. Выступление в ней на стороне России Калмыцкого ханства и участие его войска в Кубанском походе дало повод казахам Младшего жуза совершать опустошительные набеги на калмыцкие улусы. Оренбургская экспедиция, немногочисленные войска которой были задействованы для подавления башкирского восстания, могла оказывать калмыкам в основном лишь дипломатическую поддержку. Установлению военной гегемонии казахских жузов в приуральских степях помешала агрессивная политика Джунгарского ханства, направленная на завоевание Казахской степи. Лишь решительная позиция России, заявившей о готовности защитить своих казахских подданных, заставила джунгарского правителя Голдан-Цэрена отказаться от притязаний на нее.

ENG

Introduction

The political course set by Peter the Great, primarily aimed at the conquest of the Black Sea coast and the expansion of the Russian territory into the Caucasus and South-East Asia, continued under his successors. The government of Empress Anna Ioannovna tried to solve both problems simultaneously. She launched a war against Turkey for the possession of Crimea and the western part of the North Caucasus, which went on for almost four years, but failed to bring the desired effect. According to the terms of the peace treaty signed in 1739 in Belgrade, the only significant ‘trophy’ for Russia was the return of Azov fortifications. During the war, the Kalmyks were brothers in arms for the Russian soldiers and Cossacks. At the same time, the Kalmyk Khanate itself, located in the area between the Yaik River (nowadays known as the Ural), the Volga, and the Don, were subject to frequent plundering incursions from the Kazakhs. Moreover, the Crimean and Turkish emissaries, by urging the Bashkirs and Kazakhs not to submit to the power of the ‘white king’, posed a serious threat. It was only the diplomacy of the chiefs of the Orenburg Expedition (from 1737, Commission) and the governors of the neighboring Astrakhan and Siberian provinces that was able to neutralize the subversive activities of the Porte and to appease the militant Islamic nomads.

In modern historiography, the problem of the inclusion of nomadic peoples in the Russian Empire’s sphere of influence has been closely studied; and there has been a clear attempt to reject the ‘colonial approach’ as an excessively narrow understanding of the features of this process.¹ However, with regard to the activities of the Orenburg Expedition,

¹ V.V. Dmitriyev, S.V. Lyubichankovskiy, “The Southern periphery of the Russian Empire and the problem of colonialism (based on the materials of Russia’s National Policy towards the Crimean Tatars in the late 18th through the early 20th century),” *Bylyye gody* 45, no. 3 (2017): 1010–1024; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “Kalmyks of Southern Ural in the 18th – early 20th century: Problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity,” *Bylyye gody* 46, no. 4 (2017): 1194–1206; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734),” *Novyy istoricheskiy vestnik* no. 3 (2017): 172–191; D.V. Vasilyev, S.V. Lyubichankovskiy

the influence of the external geopolitical factor on the formation of the policy of the Russian Empire with respect to the nomadic peoples of Central Asia is still among the most debatable and little-studied imperial policies. The purpose of this article is to delete this ‘blank page’.

The Orenburg Expedition was set up in 1734. Its creation was determined by the desire of the Russian Empire to focus on the territories of the trans-Volga region (Bashkiria and the Urals, merged in the Empire in the second half of the 16th century, yet poorly integrated), as well as to expand the Russian protectorate into the Kazakh steppe and Central Asia. Most pre-revolutionary historians considered the Orenburg Expedition as an important source of influence over the Empire’s colonial policy,² as exemplified by the petition of Khan Abulkhair, the ruler of the Kazakh Junior Zhuz, for Russian citizenship in 1730.³ In the Soviet historiography, the supposedly colonial nature of the Orenburg Expedition was the dominant outlook. Soviet historians focused on the national liberation movements as a response to the rule imposed by the Imperial administration and the exploitation of land and natural resources under the Tsar. The classic illustration of this thesis was the 1735–1739 Bashkir uprising, which occurred in conjunction with the creation of the Orenburg Expedition and military-economic developments in the region.⁴ Modern historiography is characterized by the expansion of research problems and pluralism of opinions on the activities of the Orenburg Expedition. Orenburg historian D.A. Safonov has drawn attention to the weaknesses of I.K. Kirilov, the first chief of the Orenburg Expedition, in the colonization of the Southern Urals, arguing that Kirilov did not have a thought-out program and unnecessarily exposed the lives of the expedition’s participants, soldiers, and Cossacks, to danger, hunger, and adversity.⁵ By contrast, Yu.N. Smirnov, who conducted a thorough monographic study on the creation and activities of the expedition and the settlement of the trans-Volga region, views Kirilov and his successors as having made substantial progress toward establishing diplomatic and trade relations with Asian neighbors, even if his more ambitious plans regarding expansion into Asia failed to materialize.⁶

kiy, “Kazakhs and Russians: household acculturation in the 19th century,” *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165; G.B. Izbasarova, S.V. Lyubichankovskiy, “Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th century: from a personal position to a management system,” *Rossiyskaya istoriya*, no. 2 (2018): 13–21; S.V. Lyubichankovskiy, K.G. Akanov, “Orenburg in the History of Integration of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the 18th through the 20th century,” *Bylyye gody* 48, no. 2 (2018): 484–495; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842),” *Bylyye gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.

² P.I. Rychkov, *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* (Ufa: Ufimskiy NTS RAN Publ., 2002), 2–76; V.M. Cheremshanskiy, *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskoy i promyshlennom otnosheniyakh* (Ufa: Tipografiya Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya Publ., 1859), 13; P.P. Pekarskiy, *Novyye izvestiya o V.N. Tatishcheve* (Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1864), 34; P.P. Pekarskiy, *Zhizn' i literaturnaya perepiska P.I. Rychkova* (Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1867), 8.

³ F.M. Starikov, *Istorko-statisticheskoy ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska* (Orenburg: Tipolitografiya B. Breslina Publ., 1891), 25.

⁴ Sh. Tipeyev, *Ocherki po istorii Bashkirii* (Ufa: Bashkir State University Publ., 1930), 47; N.V. Ustyugov, *Bashkirskoye vosstaniye 1737–1739 gg.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1950), 20; I.G. Akmanov, *Bashkirskoye vosstaniye 1735–1736 gg.* (Ufa: BGU Publ., 1977).

⁵ D.A. Safonov, *Nachalo Orenburgskoy istorii* (Orenburg: Orenburgskaya guberniya Publ., 2003), 10–55.

⁶ Yu.N. Smirnov, *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoyedineniye Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-ye gg. XVIII v.* (Samara: Samara University Publ., 1997); Yu.N. Smirnov, “Ekstrakt imennykh ukazov

The growth of national consciousness of the peoples of Russia and Central Asia in connection with the new sovereign states of the region has brought new attention to the geopolitical context of the Orenburg Expedition in the Southern Urals. G.B. Isbasarova explains that the construction of outposts and fortresses for strategic military objectives was, among other things, aimed at preventing joint actions by Bashkirs and Kazakhs. Nowadays many Kazakh researchers adhere to the colonial paradigm of the annexation of the Kazakh steppe to the Russian Empire, one of the manifestations of which was the creation of the Orenburg Expedition.⁷ Thus, studying the process of changes in the political and legal system of the Kazakh Zhuzes during their accession to the Russian Empire, A. Shaukenov comes to the conclusion that the activities of the Tsarist government there took an evidently colonial shape in its activities as early as by the 1740s. At the same time, the author shares the opinion of pre-revolutionary researcher, A.I. Maksheyev, who rightfully believed that the Kazakhs' status as Russia's subjects was merely formal. The Russians, protecting themselves from Kazakhs by fortresses and troops, could not freely move through the Kazakh steppes or cross them to reach the Khanates of Turkestan.⁸

A shortcoming in the study of history of the Orenburg Expedition is the lack of attention to the impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on its activities, as the war consumed most of the human and material resources of the Russian army. Due to this fact, the chiefs of the Orenburg Expedition had fewer opportunities for pursuing an active offensive policy. According to the report 'How many Cossacks there are in the new towns along the Orenburg – Moscow road by 1737,' the population of the fortress villages built along the line between Orsk and Samara was 3,040.⁹ Being aware of the small number of border guards, Kazakh batyrs and sultans, ignoring the opinion of Khan Abulkhair, attacked new villages, plundered and captured villagers, and prevented Russia's trade with Asian countries.

Abulkhair pointed out in a letter to Lieutenant General Prince G. A. Urusov the essence of the unfavorable situation for the Russian side in the Russian-Kazakh border area and the 'surest' way to change it:

I've done nothing wrong, and I've also persuaded others to do good, but wild people do not obey. As long as there are no troops, foolish Kazakhs do not understand, and they are not afraid. They will not give out their captives... But when you arrive with your great army for the construction of the city, then everything will be returned. If merchants come, their plundered goods will be immediately returned. Otherwise, we cannot cope with them.¹⁰

Orenburgskoy komissii za 1734–1741 gody kak istochnik po istorii otnosheniy s narodami i stranami Priural'ya, Kazakhstana, Sredney Azii," in *Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Samara: Samara Academy of Humanities Publ., 2016), 235.

⁷ V.A. Moiseyev, "Dzhungaro-kazakhskiy otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii," *Vestnik Yevrazii*, no. 2 (2000): 25–30.

⁸ A. Shaukenov, "Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century," *Journal of Asian and African Studies* 22, no. 2 (2013): 283.

⁹ Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (thereafter – GAOO), f. 2, op. 1, d. 1, l. 75 ob. – 76.

¹⁰ *Ibid.*, d. 10, l. 34 ob. – 35.

However, the Russo-Turkish War not only affected the activities of the Orenburg Expedition (Commission) indirectly. As noted above, the Orenburg Expedition chiefs were charged with the duty to protect the Kalmyk Khanate from the attacks of the Kazakhs of the Junior Zhuz and thereby ensure the participation of the Kalmyk army in campaigns against the Crimean and Kuban Tatars who were allies of the Ottoman Empire.

In the archives of both the Orenburg Expedition and the Orenburg Commission (Archives 1, 2) of the State archive of the Orenburg region, there are foreign policy materials containing correspondence with the rulers of neighboring peoples and instructions of the Collegium of Foreign Affairs, and on building diplomatic relations with them. These documents include copies of translations of the letters written by Kalmyk Khan Donduk-Ombo, Khan of the Kazakh Junior Zhuz Abulkhair, and Dzungarian ruler Galdan-Tseren. The decrees of the Collegium of Foreign Affairs contain extracts from the reports of the chiefs of the Orenburg Expedition I.K. Kirilov, V.N. Tatishchev, G.A. Urusov, I.I. Neplyuev, and the detailed instructions made by the Collegium on conducting negotiations and diplomatic correspondence.

Kalmyk effort during the Russo-Turkish war. Military campaigns to Kuban in 1736–1737

Ivan Ivanovich Neplyuev, the future chief of the Orenburg Commission, and from 1744 the first Governor of the Orenburg province, was a strong advocate of the war against the Ottoman Empire. In 1721–1734 he headed the Russian mission in Constantinople as the resident ambassador. I.I. Neplyuev assured the government that the advancement of just a small Russian corps to the Turkish border would be enough for the Sultan to sue for peace.¹¹ The Russian command attached great importance to the involvement of the Volga Kalmyks in the war against Turkey and its allies.

After Torgut chief Kho-Orluk acquired Russian citizenship in 1609, the relations between Russia and the Kalmyk Khanate, located in the lower reaches of the Volga, were built on a contractual basis. Frequent strife between the representatives of the Khan's dynasty and the appeal of the Kalmyk rulers to the 'white tsar' for support and mediation, created favorable conditions for the Imperial authorities to intervene in the internal affairs of the Kalmyk Khanate. After Ayuka Khan's death in 1724, successors to the Khan's throne were appointed by Saint Petersburg. On 22 February 1725, Cheren-Donduk, the son of the third wife of Ayuka Khan, was appointed Governor of the Kalmyk Khanate by the decree of Catherine I. 6 years later, on 17 February 1731 Empress Anna Ioannovna bestowed the title of Khan to Cheren-Donduk. The children of Ayuka Khan's elder sons disagreed with the royal appointment. In 1731, now baptized, Peter Tayshin informed the Empress and state noblemen that Cheren-Donduk should not have been appointed the Supreme Kalmyk ruler: 'According to our Kalmyk tradition, it is the first son of the first wife who is to be the Khan.' Therefore, the heir was to be the son of the

¹¹ M.Yu. Gosudareva, "K voprosu o diplomaticheskoy podgotovke rusko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.," in *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23–24 aprelya 2015 g., Ryazanskiy universitet imeni S.A. Yese-nina* (Ryazan: Kontsepsiya Publ., 2015), 192–193.

senior wife of Ayuka Khan, his father Chakdorzhap, and after the death of his father – Peter’s elder brother, Dusang, by that time already deceased. The next one in line for the throne was the grandson of Ayuka’s second wife – Donduk-Ombo.¹²

Both Donduk-Ombo and Peter Tayshin assumed an attitude of blatant defiance. They agreed that after Cheren-Donduk’s overthrow they would divide the Kalmyk Khanate among themselves. Lieutenant General Prince Ivan Baryatinskiy was sent to stop them. His army consisted of 6 dragoon regiments, 2 infantry regiments, troops of Don and Volga Cossacks and small squads of Kalmyks who remained loyal to Cheren-Donduk. The only success of Baryatinsky’s campaign was the arrest of Peter Tayshin in Krasny Yar.¹³ Donduk-Ombo managed to escape to Kuban to secure the patronage of the Crimean Khan and the Turkish Sultan. Remaining beyond the reach of the Russian army, for three years the rebellious chief continued to raid the Khan’s uluses and draw influential relatives over to his side. As a result, in 1735, Donduk-Ombo and the local leaders who joined him had up to 28 thousand families under his rule, more than 10 thousand of whom he had captured and made part of his own ulus. Khan Cheren-Donduk and his few noble supporters had no more than 10 thousand families. At the same time, Donduk-Ombo maintained the relations with the royal court, but he called the handover of supreme control over the Kalmyk people to him to be the main condition for his return to the Volga.

In light of the impending war against the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, and the need to subdue the Kalmyk people, the government of Empress Anna Ioanovna considered it appropriate to meet the requirements of Donduk-Ombo. The second paragraph of the Charter, brought to him by the Don Cossack Chief Danila Efremov, stated: ‘When he, Donduk-Ombo, comes to the Volga and swears the oath of loyalty, he will rule all Kalmyks, and he should not offend other local leaders or take away their property.’ Donduk Ombo swore the oath of loyalty to Her Imperial Majesty in the presence of Astrakhan Governor Ivan Petrovich Izmaylov on 14 November 1735, less than a year before the Russo-Turkish War.¹⁴

One of the most important strategic goals of this war in the Caucasus region was the capture of Azov which had been lost by Peter the Great as a result of the unfortunate Prut campaign in 1711. The Kuban Horde, a part of the Crimean Khanate, had prevented the siege and conquest of Azov. The Nogais, the Horde subjects, called the Kuban Tatars or Cossacks, were the main fighting force which had feuded with the Kalmyks. In early 1736, the ruler of the Kalmyk Khanate Donduk-Ombo, faithful to the duty of an ally, through the local Russian Embassy, declared war on the Kuban Horde and the Crimean Khanate, and in spring moved to Kuban leading an army of 20 thousand soldiers.

During the Kuban campaign, acting independently and with the support of the Cossacks and Kabardian princes, the Kalmyk cavalry inflicted several heavy defeats to the Kubans, ravaged the conquered uluses and took numerous prisoners. The spring campaign of the Kalmyk troops distracted considerable enemy forces from Azov and contributed to the successful completion of the Azov operation.

¹² Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (thereafter – AVPRI), f. 119, op. 119/1, d. 15, l. 2 – 2 ob.

¹³ V.M. Bakunin, *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda* (Elista: Kalmyk Book Publ., 1995), 88.

¹⁴ *Ibid.*, 130, 150–151.

The Kazakhs who attacked the unprotected Kalmyk uluses prevented Donduk-Ombo from achieving new victories over the demoralized enemy. The Kalmyk ruler was forced to withdraw his army from the battleground.¹⁵

Donduk-Ombo faced a difficult choice. On the one hand, the Russian command demanded that he should resume hostilities; on the other hand, Abulkhair Khan warned that Kazakh batyrs were going to attack the Kalmyk nomad camps in winter. Enemies exerted diplomatic pressure on the Kalmyk Khanate ruler as well. Crimean Khan Fetiĥ-Giray reminded Donduk-Ombo that before his confirmation as the ruler of the Kalmyk Khanate, while being persecuted by the Russian authorities, he had received asylum in the Crimean Khanate and swore not to inflict any damage to either the Crimeans, and the Kubans. In his reply, Donduk-Ombo cynically noted that both times his only intention was to save his own life.¹⁶

On November 19, the Kalmyk ruler yielded to the pressure of the Russian government and set out on another campaign to Kuban, and overall it was favourable for the Kalmyks. For two weeks – from 1 to 14 December – acting either with the Cossacks or more often independently, they inflicted a number of heavy defeats to the Kuban Tatars: they forced the fortresses of Kapyĥ and Temryuk to surrender, captured more than 10 thousand prisoners, 20 thousand horses, and a large number of cattle and sheep. In recognition of the merits of the Kalmyk army, on 3 March 1737 Empress Anna Ioannovna signed a decree appointing Donduk-Ombo the Khan.¹⁷ The decree to the chief of the Orenburg Expedition I. K. Kirilov stated:

You are well aware that the subject of Her Imperial Majesty Kalmyk ruler Donduk-Ombo, since the moment he was entrusted the rule over all Kalmyk people, he has shown his faithfulness to Her Imperial Majesty. Last summer in the two campaigns to Kuban, he showed a lot of zeal.¹⁸

In 1737, a Kalmyk detachment of 5,000 soldiers under the command of Galdan Normo as part of General Lassi's army participated in the Crimea campaign. After the victory over the Crimeans and janissaries in the battles at the rivers Salĥir and Sungari as well as at the fortress Karasubazar, Kalmyks returned to their encampments with rich booty. In December of that year, Kalmyks together with the Don Cossacks participated in the punitive campaign against the Kuban Tatars and Circassians, a retaliatory measure for the devastation of the Don villages, murder and captivity of their inhabitants.

Russia's peacekeeping efforts with respect to Kazakh-Kalmyk relations and the participation of the leaders of the Orenburg Expedition in those efforts

The small number of Kalmyk troops in comparison with the campaign of 1736 was the result of hostile actions by Kazakhs, the damage being incomparable with the booty taken from the Crimean and Kuban Tatars. In the message to Empress Anna Ioannovna, sent

¹⁵ V.V. Batyrev, "Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne 1735–1739 gg.," in *Vostokovednyye issledovaniya v Kalmykii* (Elista: Kalmyk University Publ., 2006), 29–30.

¹⁶ *Ibid.*, 31.

¹⁷ *Ibid.*, 32.

¹⁸ GAOO, f. 2, op. 1, d. 5, l. 31.

on 4 February 1737, Donduk-Ombo wrote about two plundering raids made by the Kazakhs of the Junior Zhuz against Kalmyk uluses. The first raid was launched on 13 January 1737, when up to 4 thousand Kazakh warriors captured 500 Kalmyk families. On 22 January, Kazakhs, this time up to 30 thousand warriors strong, made a second raid, capturing 2 thousand families, including some of the Khan's courtiers. The most valuable booty of the steppe robbers was the Khan's tent with Buddhist relics that were especially revered by Kalmyks, including 11 collections of effigies of Buddha and religious books. Donduk-Ombo explained the absence of Kalmyk revenge with the participation of his troops in the war fought for Russian interests. The Kalmyk ruler emphasized that his soldiers had always independently beat off raids of Kazakhs and, in turn, took their sultans as amanats (hostages). The Khan wrote: 'Now our troops have just returned from the campaign, and the horses are emaciated.'¹⁹

For the invasion of the Kalmyk steppe, Kazakh batyrs and their troops would cross the Volga unhindered. They usually did it in wintertime, when the river was frozen and no boats were necessary to cross it. Major General Prince Repnin wrote about Donduk-Ombo's devastation of Kalmyk uluses in his reports. On 19 January 1737, a Kalmyk who had escaped from Kazakh captivity told him about the attack of a considerable number of Kazakhs against the uluses located to the south of Tsaritsyn. Repnin sent a squad of the Pskov Dragoon regiment of Second Major Mordvinov and Salyan infantry regiment of Lieutenant Mechekhin up the Volga to intercept the steppe bandits. However, it was too late. The only result was the capture of three Kazakhs, one of whom soon died of his wounds. The captive Kazakhs gave inconsistent and contradictory testimony which indicated that they reported to the local leader of Kashkar, who had an army of up to 6 thousand, and they had come to the Volga to capture people from the Kalmyk nomad camps and Russian villages. At the Chorny Yar in the area of Mazan they split into two parts. Iset Batyr and a troop of 3,000 went up the Volga along the meadow side to Saratov in order to 'capture Kalmyks.' Telep Batyr and his troop stayed at Chorny Yar. To the north of Chorny Yar he captured 30 Russians and up to 100 Kalmyks.²⁰

The successful raid of several thousand Kazakhs into the Kalmyk steppe testified the ignorance of Astrakhan authorities of the enemy troops' advancement and of the weak protection of the Russian borders in the Lower Volga region due to the lack of cavalry capable of pursuing and detaining the steppe nomads.

The Russian government clearly understood both the necessity of punishing the criminals and the impossibility of solving this problem on its own. In the lengthy decree dated 9 February 1737, the Collegium of Foreign Affairs proposed to shift the responsibility for solving this issue to Khan Abulkhair. The proposals of the Collegium were reduced to three options: if the participants of the raid were the subjects of the Khan of the Junior Zhuz, then he himself was to punish them, force them to release prisoners and return the loot. If 'Kazakh thieves' were foreign nationals, then Russia would convince Abulkhair and the allied batyrs to launch a campaign to 'inflict vengeance' to the perpetrators. Otherwise, Bashkirs would be asked to step in and 'take measures to prevent Kazakh raids.'²¹

¹⁹ GAOO, f. 2, op. 1, d. 3, l. 39.

²⁰ Ibid., d. 5, l. 22 ob. – 23.

²¹ Ibid., d. 9, l. 20 ob.

In this situation, Donduk-Ombo sought to pit the Russian government against the Khan of the Junior Zhuz and to remind them the war against the Turks and their vassals was not over yet. Further Kalmyk participation in the war would be limited to assisting Russia in preventing Kazakh raids. In order to be more convincing, the ruler of the Kalmyk Khanate himself decided to share some information regarding the threat of new conflicts with the Russians. He referred to the testimony of the captured Kazakhs, who claimed that the Bashkirs and the Kyrgyz, being co-religionists, reached an agreement for Bashkirs to advance into the Kazakh steppe. Through joint efforts, they intended to release the son of Abulkhair, kept hostage by the Orenburg Commission, and then to launch joint raids against Russian villages. Donduk-Ombo pointed out the marriage between the Kazakh Khan and the daughter of Otkokhort the Bashkir as the indirect evidence of the emerging alliance. He also reported to the Russian Empress that Berdekesh the Bashkir had joined Khan Abulkhair with two thousand families and together with the Kazakh sultans were contemplating an attack against Kalmyks. Due to the human and material losses suffered from the Kazakh raid, the Kalmyk Khan considered it necessary to notify the Russian government saying he would not send troops to Kuban next spring.²²

It wasn't an accident that a copy of the translation of Donduk-Ombo's letter to Empress Anna Ioannovna was among the documents of the Orenburg Commission, as it was its chiefs who were responsible for the relations with the khans of the Junior Zhuz.

Donduk-Ombo's message was not left unnoticed. In the order of the Collegium of Foreign Affairs to the chief of the Orenburg Commission V.N. Tatishchev dated 2 June 1738, they explained that due to the ongoing war against Turkey, it was in the interests of Russia to demand that Kazakh attacks on Kalmyk uluses should be stopped. According to the order, V.N. Tatishchev was to do his best to force Kazakhs to return all the loot and release all noble Kalmyks from captivity. It was only under such a condition the Russian government could keep Donduk-Ombo from another campaign against the Kazakh nomads.

In the order, there was no reference to the Bashkir-Kalmyk alliance. Apparently, due to the lack of agreement on this issue between the Kazakh khans and sultans, the Russian government considered such an alliance unlikely at that time. The calculation that Kazakhs would come over to side with the Crimean and Kuban Tatars seemed much more feasible. From time to time, news of contacts between these groups would turn up. Thus, a Kazakh captured at Chorny Yar in January 1737, said during the interrogation that envoys from Crimea had come to the Kazakh Khan and asked him to send some reinforcement. 'At the request of the Crimean Khan, their Khan wanted to send them an army, but he found it difficult to estimate the number of troops needed.'²³ Tatishchev was to find a way to prevent such collusion.²⁴

In the 1730s, the Russian Empire pursued a 'policy of appeasement' towards the Kazakh Zhuzes. It was clearly stated in Paragraph 6 of the Instruction given to I.K. Kirilov just before sending the Orenburg Expedition: 'It is necessary to keep the

²² GAOO, f. 2, op. 1, d. 3, l. 39 ob. – 40 ob.

²³ Ibid., f. 1, op. 1, d. 5, l. 19 ob.

²⁴ Ibid., f. 2, op. 1, d. 3, l. 45 – 45 ob.

Kyrgyz and Kazakhs obedient, depending on the circumstances, with either favors and gifts, or rigor and fear.' As Orenburg's administrators did not have enough military resources for keeping the nomads in check, they were supposed 'to pit one people against the other, saving the Russian army [the burden],' a common tactic among colonizers around the world.²⁵

The leader of the Orenburg Expedition focused much effort on suppressing the Bashkir uprising. As a response to the news about the Kazakh attack on the uluses of the Volga Kalmyks, he sent letters to Khan Abulkhair expressing 'disgust of the acts' committed by people under Abulkhair's control who ravaged the subjects of Her Imperial Majesty. Kirilov's successors built relations with Abulkhair in the same vein. After the above large-scale attack on Kalmyks, V.N. Tatishchev held a meeting with the Kazakh Khan on 3 August 1738. During the solemn audience, Abulkhair, his son Nurali, and other Kazakh elders took another oath of allegiance to the Russian Empire. During this and subsequent meetings with the leader of the Orenburg Commission, Abulkhair kept promising to collect, release from captivity and deliver to Russia all Russian citizens, not only from the Kazakh Zhuzes, but also from neighboring countries. A.I. Levshin, the author of the first fundamental work on the history of the Kazakh people, rightfully noted that Abulkhair could not possibly keep his promise and 'no doubt, he himself was sure of the impossibility of keeping it.'²⁶

Naturally, in these circumstances, as V.V. Batyrev stressed, Donduk-Ombo set out on the next campaign to Kuban in March 1738 with reluctance. As in previous years, Kalmyks managed to inflict a number of heavy defeats to their opponents, the Kuban Tatars and Abazins. During one of them, the troops captured Sultan Selek, the son of the Crimean Khan Bakht Giray. But as soon as in May, after getting to know about the new attacks by Kazakhs, Donduk-Ombo ceased hostilities and returned to the Volga steppes.²⁷

In the conflict between its steppe subjects, Russia acted as the peacemaker. In the diplomatic relations with Khan Abulkhair, the Collegium of Foreign Affairs directly indicated that it was aware of his direct participation in organizing the raids on Russian and Kalmyk villages, but at the same time it made it clear that Russia sought to maintain a good neighborly trusting relationship with the Kazakh Khan. This conclusion is evident from the announcement of the Collegium on 30 July 1739 to Ahmet Sultan, the son of Khan Abulkhair. He was explained that

...although during the interrogation the captured noble man Yesinbay Batyr said that those troops had been sent against Kalmyks by his father Abulkhair Khan, it was not considered to be true, as his father Abulkhair had received citizenship from Her Imperial Majesty and had sworn allegiance. <...> Therefore, he could not possibly send the troops to attack the Kalmyks, the subjects of Her Imperial Majesty, in order to rob and capture them.

²⁵ A.I. Levshin, *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Ch. 2: Istoricheskoye izvestiye* (Saint Petersburg: Tip. Karla Krayya Publ., 1832), 114, 116.

²⁶ *Ibid.*, 136.

²⁷ V.V. Batyrev, *Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne*, 33.

The punishment of those guilty, initiated at his will, as well as the return to Orenburg of all Russian citizens being in captivity, was to be the proof that the Khan of Junior Zhuz had nothing to do with the mentioned crimes.²⁸

In turn, Donduk-Ombo, seeing that Russia took no tough actions against Kazakhs, considered that to be evasion from allied obligations. In his report dated 29 April 1739, he once again reminded his Russian allies that the frequent campaigns of the Kalmyk army to Kuban and Crimea exhausted both his people and horses. Kazakhs made use of the situation by attacking Kalmyk uluses every year, plundering and taking booty. By announcing the desire to be Russian subjects and letting their sons be amanats, Kazakh rulers only misled the Russian Empress. In order to rightly punish the aggressor, Khan Donduk-Ombo asked Empress Anna Ioannovna for permission to equip a joint punitive expedition against the Kazakhs; the Khan hoped that the Empress would provide a troop of 5,000 soldiers and 40 cannons.²⁹

In the return letter dated 19 July 1739, Empress Anna Ioannovna made it clear to the Kalmyk Khan that her government shared the opinion of the unreliability of the oaths given by the Kazakh elders: ‘Although the Kyrgyz have become our subjects again, we have long been aware that they are unreliable.’ She also agreed with the opinion that for their ‘impudence,’ Kazakhs deserved ‘proper revenge.’ However, the letter also included a reminder of the ongoing war against Turkey, and an implication that it was not in the interests of Russia to turn the Kazakh steppe into a theater of war and send in Russian troops. It was strongly recommended to Donduk-Ombo to abandon the idea of a punitive campaign against the Kazakhs of the Junior Zhuz. The letter stated that in case he dared to take such a trip with all his forces, leaving the Kalmyk uluses without proper protection, this might invite an attack from the Kuban Tatars. These arguments were supported with a promise: ‘You should have patience, and when the opportunity occurs, you will take your revenge.’ Nevertheless, some measures to protect the Kalmyk nomad camps were still taken. The Russian government established surveillance and protection on the territory from Astrakhan up the Volga. Patrols were sent to the steppe. In order to protect the Kalmyk Khan and the members of his family, it was promised to send ‘a nobleman and some military.’³⁰

Obviously, the failure to provide more effective military assistance to Kalmyks in their conflict with the Kazakh Zhuzes was also explained by Russia’s desire to ensure a ‘balance of power’ between the steppe subjects and to reduce the intensity and gravity of their invasions in the Russian border areas. Thus, on 23 June 1740, the next year after the end of the Russo-Turkish War, Empress Anna Ioannovna informed Donduk-Ombo of Kalmyk raids on Russian villages. The content of the Empress’s letter resembled the above letters addressed to Khan Abulkhair. For the investigation, trial and punishment of the captured Kalmyks, it was proposed that the Kalmyk Khan should send to Tsaritsyn his representatives – one chief or several zaisangs. The letter ended with a usual warning:

It should be strictly prohibited to all Kalmyks to make raids on Russian houses, to hurt people or take away cattle. Those who get caught will be treated like thieves and villains.³¹

²⁸ GAOO, f. 2, op. 1, d. 5, l. 7.

²⁹ Ibid., l. 44 – 44 ob.

³⁰ Ibid., l. 44 ob. – 45.

³¹ Ibid., l. 88 ob. – 89.

In their relations with nomads, the chiefs of the Orenburg Expedition also used divide-and-conquer tactics, the essence of which was described by I.K. Kirilov in his proposal for the development of the Orenburg region. Kirilov stated that Russia could and should use the constant strife between the Bashkirs, Kazakhs, and Kalmyks to its own advantage. To be more persuasive, he referred to the experience of 1734 when the Russian government utilized the army of Abulhair against the influential Kalmyk chief Dorzhi Nazarov, whose ulus nomadized along the banks of the Yaik and the Emba. During this conflict, Dorzhi Nazarov took part in the rebellion against Tseren Donduk, the Kalmyk Khan who was supported by Russia at that time. After the devastation of Kalmyk nomad camps, Dorzhi Nazarov was forced to stop hostile actions and, as Kirilov believed, to hold a grudge against the Kazakhs. The chief of the Orenburg Expedition urged to keep pursuing the same foreign policy:

Should Kyrgyz do wrong, Kalmyks and Bashkirs shall be sent against them so that all of them are kept humble and obedient without the participation of Russian troops.³²

The temporary retreat from the proposed tactics towards the Kalmyks was due solely to their participation in the war against the Ottoman Empire and its vassals.

Russia's efforts to normalize relations between the Kazakh Zhuzes and Iran and to protect Kazakhs from Dzungar aggression

The neutralization of the Kazakh military threat, whether aimed at external aggression or its direction in favor of Russia, was not limited to the improvement of the Kazakh-Kalmyk relations. Iran, significantly strengthened by the accession of Nadir Shah, was considered by Saint Petersburg as a possible ally in the war against Turkey. The Shah of Persia and the ruler of the Junior Zhuz sought to seize Khiva and put their protégée on the Khivan throne. The Collegium of Foreign Affairs considered it best to prevent a war between them, rightly believing that the transfer of Persian troops to the North-East would remove them from the Turkish border. In a letter they stated, 'Our interests require that the Persians, being secure and at peace with other peoples, should go to war against the Porte.'³³

In the 1730s, Russia's relations with the Dzungar Khanate became considerably more strained. This was due to ill-defined state borders in Siberia and the reluctance of Goldan-Tseren to recognize the legality of the Kazakh Zhuzes' accession to Russia. The conclusion of a truce in 1734 and, three years later, peace with Qing China made it possible to transfer the Dzungar troops to the south of the Kazakh steppe. Over two years, Dzungars conquered the Senior Zhuz, and in 1739 they launched a campaign against the Middle Zhuz. In these circumstances, Abilmambet, the Khan of the Middle Zhuz, decided to follow the example of Abulhair and in 1740 acquired the citizenship of the Russian Empire. In 1741, the Collegium of Foreign Affairs received news of Goldan-Tseren's demand that the khans of the Middle and Junior Zhuzes become his subjects, send their children with noble elders as hostages, and pay tribute established by the Dzungar government. The satisfaction of the demand was prevented by the

³² V. Pistolenko, *Iz proshlogo Orenburgskogo kraia* (Chkalov: Chkalovsk regional Publ., 1939), 33.

³³ GAOO, f. 2, op. 1, d. 9, l. 54 ob.

tough stance taken by Russia on behalf of Kazakh interests. The leader of the Orenburg Commission I. I. Neplyuyev requested that the Dzungar ambassadors sent to Abulkhair should be advised as follows: ‘He, the Dzungar ruler, should give patronage to these khans and their hordes; but he should not demand any tribute from them.’ In case Kazakhs violated the border and harm Dzungar uluses, this was to be reported immediately to the court of Her Imperial Majesty or to I.I. Neplyuyev.³⁴

Goldan-Tseren apparently learned late about the Peace Treaty concluded between Russia and Turkey on 18 September 1739 in Belgrade. This delay is evident from a letter addressed to Empress Anna Ioannovna. The copy received in the Orenburg commission, dated 31 March 1742, was titled as ‘Translation of the letter of the Dzungar ruler Goldan Tseren, submitted by his Ambassador Lama Dasha to the great Chancellor and Prince Alexei Mikhailovich Cherkassky.’

Goldan-Tseren complained that in the violation of the previous agreements, Russians had built fortresses, hunted local wildlife, and mined gold and copper on his land. The Dzungar ruler asked the Empress to take her subjects away from Dzungaria, covertly noting that otherwise Russia would have to wage two wars at once: ‘You are waging a war against Turkey, and if during this time I take actions, I might be considered shameless.’³⁵

The establishment of diplomatic contacts between Dzungaria and the Kalmyk Khanate caused great concern in Russian government circles. These contacts could lead to both the migration of a large part of the Volga Kalmyks to the Dzungar Khanate and the conclusion of a treaty between them to form a military alliance. The goal of the military administration of the border provinces of the South-East, therefore, was to hinder and, if possible, detain the envoys and couriers carrying correspondence from Dzungaria to the headquarters of the Kalmyk Khan and back. In 1741, some envoys were sent with letters to Donduk-Ombo. On 27 August, the office of the Orenburg Commission resolved that those couriers should be detained under a specious excuse. In accordance with his instructions, the ambassador was to state that Khan Donduk-Ombo had died and his successor had not yet been appointed, and therefore there was addressee to turn to. In addition, being subjects of the Russian Empire, the Kalmyks were not allowed to answer letters without an Imperial Edict. In order to prevent the ambassador and his servants from going to the steppe and meeting the Kalmyks who were staying in Samara, the ambassador and his staff were to be kept ‘under close supervision.’ The officials also had orders to intercept any letters addressed to the Kalmyk Khan. However, there turned out to be no need to obstruct the envoys’ departure to the Kalmyk steppe. Upon arrival in Samara, the Dzungar ambassador got sick and died shortly thereafter. The demands of the Orenburg Commission leaders were met: ‘Every effort was made with the help of an interpreter to have a look at all the letters addressed to Khan Donduk-Ombo.’ The letters were copied and sent to the Collegium of Foreign Affairs.³⁶

³⁴ GAOO, f. 2, op. 1, d. 10, l. 49–50.

³⁵ *Ibid.*, l. 54 – 54 ob.

³⁶ *Ibid.*, d. 9, l. 82 ob. – 83.

Conclusion

Thus, in the 1730s, the Russian government formed a workable model of relations with its steppe subjects. It consisted of preventing long-term military conflicts between those subjects and, at the same time, neutralizing any attempts of forming a common military alliance. The Russian government performed the role of a peacemaker, arbitrator, and a reliable ally in case of an external threat and raised the authority of the Empire in order to force the nomads to seek its protection and submit to its will. It was the Orenburg Expedition (Commission) itself which was meant to pursue the policy of establishing the Russian statehood in the steppes of the Southern Urals and the Ural-Caspian region, and, in the future, the whole Central Asia. Its leaders established direct contacts with the Kazakh and Karakalpak khans, as well as rulers of other neighboring peoples. It was the Russo-Turkish War which made some temporary adjustments to the established order of maintaining the 'balance of forces', a policy aimed at preventing the strengthening of any unions between sovereign states and nomads. The Kalmyk Khanate's effort in the war on the Russian side and the participation of its troops in the Kuban campaign gave the Kazakhs of the Junior Zhuz the opportunity to launch devastating raids on Kalmyk uluses. The Orenburg Expedition, whose few troops were involved in the suppression of the Bashkir uprising, mainly provided the Kalmyks with only minimal diplomatic support. It was the aggressive policy of the Dzungar Khanate aimed at the conquest of the Kazakh steppe that prevented the establishment of the military hegemony of the Kazakh Zhuzes in the Ural steppes. And it was only the staunch stance of Russia, declaring its readiness to protect its Kazakh subjects, that forced Dzungar ruler Goldan-Tseren to abandon any claims to the Kazakh steppes.

Рукопись поступила: 20 февраля 2019 г.

Submitted: 20 February 2019

Библиографический список

- Акманов И.Г.* Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа: БГУ, 1977. 85 с.
- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. 153 с.
- Батырев В.В.* Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 29–30.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
- Государева М.Ю.* К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2015 г., Рязанский университет имени С.А. Есенина. Рязань: Концепция, 2015. С. 192–193.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX в. // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты крещеных калмыков (1737–1842) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.

- Дмитриев В.В., Любичанковский С.В. Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 45. № 3. С. 1010–1024.
- Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21.
- Избасарова Г.Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. № 5/2. С. 63–68.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 304 с.
- Любичанковский С.В., Аканов К.Г. Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начала XX в. // *Былые годы*. 2018. Т. 48. № 2. С. 484–495.
- Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // *Вестник Евразии*. 2000. № 2. С. 25–30.
- Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб.: Акад. наук, 1864. 66 с.
- Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб.: Акад. наук, 1867. 184 с.
- Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов: Чкаловское областное изд-во, 1939. 152 с.
- Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: Уфимский НЦ РАН, 2002. 201 с.
- Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типолитография Б. Бреслина, 1891. 352 с.
- Сафонов Д.А. Начало Оренбургской Истории. Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
- Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара: Самар. ун-т, 1997. 187 с.
- Смирнов Ю.Н. Экстракт именных указов Оренбургской комиссии за 1734–1741 годы как источник по истории отношений с народами и странами Приуралья, Казахстана, Средней Азии // *Внешиполитические интересы России: история и современность: сборник материалов III Всероссийской научной конференции*. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2016. С. 227–237.
- Тупеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башк. гос. изд-во, 1930. 222 с.
- Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 153 с.
- Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859. 472 с.
- Shaukenov A. Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century // *Journal of Asian and African Studies*. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 283.

References

- Akmanov, I.G. *Bashkirskoye vosstaniye 1735–1736 gg.* Ufa: BGU Publ., 1977 (in Russian).
- Bakunin, V.M. *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda.* Elista: Kalmyk Book Publ., 1995 (in Russian).
- Batyrev, V.V. “Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne 1735–1739 gg.” In *Vostokovednyye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Kalmyk University Publ., 2006 (in Russian).
- Cheremshanskiy, V.M. *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskoy i promyshlennoy otnosheniya.* Ufa: Tipografiya Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya Publ., 1859 (in Russian).

- Gosudareva, M.Yu. “K voprosu o diplomaticheskoy podgotovke russko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.” In *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23–24 aprelya 2015 g., Ryazanskiy universitet imeni S.A. Yesenina, 192–193*. Ryazan’: Kontsepsiya, 2015 (in Russian).
- Dmitriev, V.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century).” *Bylye Gody* 45, no. 3 (2017): 1010–1024 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734).” *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (2017): 172–191 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity.” *Bylye Gody* 46, no. 4 (2017): 1194–1206 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842).” *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.
- Izbasarova, G.B., and Lyubichankovskiy, S.V. “Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th century: from a personal position to a management system.” *Rossiyskaya istoriya*, no. 2 (2018): 13–21 (in Russian).
- Isbasarova, G.B. “Rossiyskiy faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniakh v 1-y chetverti XVIII v.” *Historical and Social-Educational Idea*, no. 5/2 (2016): 67 (in Russian).
- Levshin, A.I. *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Istoricheskiye izvestiya*. Saint Petersburg: Karla Kravtza Publ., 1832 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S., and Akanov, K. “Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century.” *Bylye Gody* 48, no. 2 (2018): 484–495.
- Moiseyev, V.A. “Dzhungaro-kazakhskiy otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii.” *Vestnik Yevrazii*, no. 2 (2000): 25–30 (in Russian).
- Pekarskiy, P.P. *Novyye izvestiya o V.N. Tatishcheve*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1864 (in Russian).
- Pekarskiy, P.P. *Zhizn' i literaturnaya perepiska P.I. Rychkova*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1867 (in Russian).
- Pistolenko, V. *Iz proshlogo Orenburgskogo kraya*. Chkalov: Chkalovsk regional Publ., 1939 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii*. Ufa: Ufimskiy NTS RAN Publ., 2002 (in Russian).
- Safonov, D.A. *Nachalo orenburgskoy istorii*. Orenburg: Orenburgskaya guberniya Publ., 2003 (in Russian).
- Shaukenov, A. “Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century.” *Journal of Asian and African Studies* 22, no. 2 (2013): 283.
- Smirnov, Yu.N. *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoyedineniye Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-ye gg. XVIII v.* Samara: Samara University Publ., 1997 (in Russian).
- Smirnov, Yu.N. “Ekstrakt imennykh ukazov Orenburgskoy komissii za 1734–1741 gody kak istochnik po istorii otnosheniy s narodami i stranami Priural'ya, Kazakhstana, Sredney Azii.” *Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii: istoriya i sovremennost'.* *Sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Samara: Samara Academy of Humanities Publ., 2016 (in Russian).
- Starikov, F.M. *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska*. Orenburg: Tipografiya B. Breslina Publ., 1891 (in Russian).

Tipeyev, Sh. *Ocherki po istorii Bashkirii*. Ufa: Bashkir State Publ., 1930 (in Russian).

Ustyugov, N.V. *Bashkirskoye vosstaniye 1737–1739 gg.* Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1950 (in Russian).

Vasil'yev, D.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Kazakhs and Russians: household acculturation in the XIX century.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Джунджужов Степан Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Stepan V. Dzhundzhuzov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor and the Head of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.